

ской Народной Республике; сообщение А. П. Окладникова о совместном погребении мужчины и женщины у с. Буреть на Аигаре, относящемся к Глазковской стадии, а также сообщение Б. Е. Дегена «О загадочных предметах из скифских погребений», которые определяются автором по аналогии с находками проф. Филова как часть портупей.

В заключение нельзя не упомянуть опубликованных в VII выпуске материалов обследования останков Ярослава Мудрого. Рентгенологу-анатому проф. Д. Г. Рохлину удалось не только доказать принадлежность доставленных из Киева останков Ярославу, но воссоздать его характеристику и историю его болезни, превратившей удалого предводителя дружин в усидчивого администратора, любителя книг и знатока языков. Не менее интересны результаты исследования антропологом В. В. Гинзбургом останков женщины, найденной в гробнице Ярослава в Киевской Софии. Северный тип черепа, а также соответствующий ему высокий рост заставляют вспомнить о жене Ярослава Ирине-Ингигерд, дочери шведского короля Олафа. Она умерла после Ярослава в возрасте 56 лет, что также соответствует возрастным особенностям женщины из гробницы Ярослава. В этой же связи были подвергнуты исследованию так наз. «мощи» Анны, другой жены Ярослава, хранящиеся в Новгородском Софийском соборе. Это оказались останки молодой женщины, что вполне согласуется с предположением о наличии у Ярослава до Ингигерд первой жены, повидимому скоро умершей еще во время пребывания Ярослава в Новгороде. Особо следует отметить опубликование научной реконструкции физического облика Ярослава Мудрого, выполненной М. М. Герасимовым. Это уже не первая работа талантливого художника-антрополога. Однако она особенно ценна тем, что издание ее сопровождается статьей автора, излагающей принципы и методику его реконструкций. Статья убеждает в их продуманности и строгой научности.

Просмотренные четыре выпуска «Кратких сообщений ИИМК» выгодно отличаются от первых трех большим числом иллюстраций и при этом не плохого качества. Это также говорит в пользу издания, дальнейших выпусков которого будем ждать с нетерпением.

С. Киселев

А. Я. БРЮСОВ. История древней Карелии. «Труды Госуд. Исторического музея». Выпуск IX. Изд. ГИМ. М., 1940. 320 стр. с рис. и картами. Тираж 1150 экз. Цена 28 р. 50 к.

Героическими действиями Красная армия ликвидировала попытки создания в Финляндии военного плацдарма против СССР. На присоединенных территориях строится новая жизнь Карело-Финской Советской Социалистической Республики.

Естественно, вырос интерес и к прошлому новой братской республики. Поэтому работа А. Я. Брюсова «История древней Карелии», несомненно, привлечет к себе внимание не одних только специалистов. Книга А. Я. Брюсова выгодно отличается доступностью изложения и литературностью языка. Несмотря на то, что она построена почти исключительно на археологическом материале, последний не перегружает текст, который воспринимается легко. Основные положения и выводы сформулированы автором ясно и просто.

Заслуживает быть отмеченным и широкое использование А. Я. Брюсовым этнографического материала. Это позволило автору доказать наличие у древнего населения Карелии ряда особенностей, которые по одним археологическим памятникам не были бы обнаружены.

Рецензируемая книга рассматривает древнейшие периоды Карелии, начиная с III по I тысячелетие до н. э. Изучая археологические памятники, значительная часть которых была исследована им самим, А. Я. Брюсов приходит к следующим положениям.

В конце III—начале II тысячелетия до н. э. Карелия заселялась племенами, главным образом, южного, волго-окского происхождения. Гораздо менее значительной является другая, западная, прибалтийская струя. В процессе заселения новая территория, повидимому, осваивалась слабо; существовала большая раздробленность и разрозненность между отдельными группами поселенцев. Лишь к половине II тысячелетия «или несколько ранее естественное смешение новых поселенцев привело, повидимому, к относительно устойчивому образованию отчасти новых родовых организаций, что можно установить... по определенным вариантам карельской культуры в археологическом значении этого термина». Замечается прогресс «в способах использования естественных богатств области, животного и рыбного мира, залежей сланца, применяемого для выделки всевозможных орудий взамен других пород камня, или шифера, получающего особеино широкое применение к середине II тысячелетия». Завязываются более или менее тесные отношения с соседними племенами. Двум охарактеризованным стадиям древней истории Карелии соответствуют и две стадии в области духовной культуры, отраженные двумя группами наскальных изображений. Древнейшая представлена петроглифами «Бесовы следки» на реке Выг. Для них характерно наличие центрального, очень крупного изображения человека, окруженного животными. Автор вместе с А. Линевским видит в человеческой фигуре изображение фантастического «хозяина» охотничьего района, которому подчинены населяющие этот район животные. Охотники вынуждены вступать в «соглашение» с «хозяином», так как только это обеспечит им успех в охоте на подчиненных «хозяину» животных. Очевидно, перед нами объекты магическо-религиозных обрядов, которые, несмотря на еще сильные пережитки тотемизма, отражают уже новую стадию антропоморфизации божеств.

Дальнейшее усложнение идеологии иллюстрируют онежские петроглифы. Анализируя некоторые изображения, автор находит возможным видеть в их композиции первоначальные зародыши мифов, впоследствии сохранившихся в Калевале и Эдде (сказания о Локи-Лоухи, волчице Фенрис, о подвигах Леммикайнена и т. д.).

Нельзя не отметить убедительности доводов А. Я. Брюсова против взглядов, высказанных по поводу карельских петроглифов В. И. Равдоникасом. Последний, интерпретируя полулунные и дисковые фигуры, а также многочисленные изображения лодок, склонен был видеть в них чисто религиозные символы лунарного и солярного культа. А. Я. Брюсов доказал реалистический характер этих изображений. Особенно убедительно сопоставление полулунных знаков с ловушками на зверей (оно предложено еще А. Линевским). Вместе с тем А. Я. Брюсов, опираясь на работы С. Hentze, выделил совершенно иные изображения, которые действительно являются атрибутом лунарного культа (например, рисунки трехпалых людей).

Однако работа А. Я. Брюсова не свободна и от ряда недостатков. Автор местами идет в своих выводах дальше, чем позволяет имеющийся материал. В этом отношении типичны хотя бы следующие примеры. Показав сезонный характер охоты племен Карелии на Беломорском берегу, автор хочет реальнее представить различные виды и объекты этой охоты. В связи с этим он приводит и современное описание охоты на ленных гусей при помощи больших сетей, куда их загоняют. Затем, только на основании того, что загнанным в сети гусям отвертывают головы, а два человека на петроглифе Перий Нос держат в руках птицу, А. Я. Брюсов находит возможным современную охоту с сетями на гусей допускать и в начале II тысячелетия до н. э.!! Того же стиля построение относительно применения стрел в Карелии почти исключительно для лова рыбы (стр. 58). Автор сам сознает недостаточность своей аргументации, однако сейчас же делает из слабо обоснованной гипотезы дальнейшие выводы о приемах охоты у древних охотников.

Было ли исследуемое поселение оставлено жителями по собственной воле или по какой-либо посторонней причине (нападение врагов, стихийное бедствие и т. п.)—выяснить это очень важно для археолога. А. Я. Брюсов при раскопках I Сунской стоянки заметил в двух местах заготовки и орудия, положенные в порядке, на видном месте. Они могли быть забыты уходившими спокойно жителями; они могли быть затоптаны в схватке с врагом; их могли оставить жители, временно покидавшие стоянку,

но почему-либо не возвратившиеся на нее, — предположений можно делать очень много. А. Я. Брюсов находит возможным сделать категорический вывод о поголовном заболевании и вымирании древних сунцев!

Подобные промахи в первых четырех главах книги представляют второстепенное явление. К сожалению, этого нельзя сказать о следующей главе.

В конце II—начале I тысячелетия на стоянках Карелии появляются новые формы вещей и керамики, бронзовые изделия и принадлежности бронзолитейного мастерства. Автор правильно заключает о дальнейшем росте производства в древней Карелии. Однако, интерпретируя немногочисленные имеющиеся в его распоряжении факты, он допускает более чем спорные утверждения. Так, отрицается всякая возможность наличия металлургии у охотников. При слабом развитии производительности труда они не могли выделить рабочую силу для производства металла и металлических изделий. Это еще можно бы было принять в плане выяснения возможности самостоятельного возникновения у охотников металлургии. Но ведь здесь речь идет о времени, когда металлургия в большинстве отсталых районов уже просто заимствовалась. Чтобы оправдать свою спорную посылку, автор вынужден искать «объяснение» древнекарельской металлургии в том, что в то время уже существовали скотоводство и земледелие. На черепках в это время появляются отпечатки ткани. Их нитка—сильно скрученная... следовательно, по мнению А. Я. Брюсова, она или шерстяная, или льняная. Если нитка шерстяная, можно говорить о скотоводстве. Но чья шерсть? Не решаясь скоиструировать на пустом месте овцеводство, А. Я. Брюсов допускает оленеводство. Однако, к сожалению, из оленьей шерсти прясть невозможно. Она для этого менее пригодна, чем шерсть коровы, из которой еще с трудом можно свалить плохой войлок. Что же касается льна, то употребление его остается допущением автора. Хорошо скрученную нитку можно получить и из крапивного волокна. Впрочем, о земледелии в дальнейшем не упоминает и сам автор. Зато столь же сомнительное скотоводство, иногда с вопросительным знаком (стр. 140), а иногда и совсем в категорической форме (стр. 134), не только допускается автором, но и считается специфической чертой нового этапа в истории древней Карелии (в I тысячелетии до н. э.).

Непонятно, почему А. Я. Брюсов в своей характеристике древней металлургии железа и бронзы следует за А. Брэггером, который, повидимому, был очень плохо ориентирован в технологии. Совершенно неправильно его утверждение, что для кричного железа нужно всего 600—700° Ц. При 900—1000° Ц может быть получена лишь черновая крица. Но дело даже не в том, что медь получается при несколько большем нагревании (до 1100° Ц), а в том, что из медной руды при этой вполне достижимой для древнего металлурга температуре получается продукт, а при таком же нагревании железной руды получается лишь полуфабрикат — крица, в которой еще нужно узнать будущий металл. При большом проценте железа, остающегося в шлаке, остывший шлак и крица часто на-глаз даже неразличимы. Только повторной обработкой крица превращается в железо, пригодное для изделий. Поэтому именно сложность древней металлургии железа обусловила более позднее применение этого металла. Если бы А. Я. Брюсов обратился к технологии сыродутного, т. е. кричного, способа производства железа, научно объясненной Перси, он не последовал бы за недоумениями А. Брэггера (стр. 136).

Безусловно прав А. Я. Брюсов в своих возражениях сторонникам так наз. перерыва в заселении северо-запада СССР и Скандинавии в латенское время. Жаль только, что в посвященной этому вопросу заключительной главе книги больше приведено мнений сторонников реальности будто бы существовавшей в I тысячелетии до н. э. суровой, мертвящей зимы Фимбул северной мифологии, чем новых данных, прежде всего советской археологии, опровергающих это фантастическое построение.

Достоинством книги является богатая документация. Ее составляет прежде всего большой подстрочный аппарат, исчерпывающая аннотированная библиография и множество иллюстраций. Не менее важно описание исследованных автором стоянок на Машозере, на озере Лососином, около петроглифа Бесовы Следки и Сунской 1. Особое значение имеет аннотированное перечисление археологических памятников

Севера СССР (до 450 местонахождений). Все это делает работу А. Я. Брюсова не только интересным этюдом по древней истории Карелии, но и необходимым пособием, без которого не обойтись в практической работе археологам Советского Севера.

С. Киселев

F. CUMONT, L'Egypte des astrologues. Edité par la Fondation Egyptologique Reine Elisabeth. Bruxelles, 1937. 254 + 2 стр.

В основу новой работы выдающегося исследователя положены совершенно своеобразные по характеру источники: астрологические сочинения древности. Кюмон взглянул на эти источники с новой точки зрения, решив использовать их как исторический материал для характеристики общества эллинистического Египта.

Труды древних астрологов много изучались и в древности и в средние века. Это изучение обуславливалось практическим интересом к астрологии, стремлением познакомиться с тайнами этой науки из первоисточников. В новое время работами астрологов интересовались мало и даже видели в них иногда лишь «живое доказательство слабостей, наиболее позорящих человеческий ум» (Letronne). Только в конце XIX в. меняется взгляд на значение этих работ, их начинают изучать, как исторические документы.

Решающий шаг вперед в деле изучения греческой астрологии был сделан в обстоятельных и интересных работах Буше-Леклерка. В 1879 г. появился его труд об искусстве предсказаний у древних¹, в котором автор вкратце останавливался и на астрологии. Его же «Греческая астрология»² сохраняет свое значение до настоящего времени для ознакомления с астрологической наукой древних, несмотря на огромный рост материала и соответствующей литературы за последние 40 лет. В 1898 г. началось издание свода древних астрологических сочинений—*Catalogus Codicum astrologorum*. До настоящего времени вышло 17 томов (последний—в 1936 г.). Помимо этого, переиздавались отдельные авторы: так наз. Манефон, Манилий, Фирмик Матерн, Веттий Валент и др. Важный материал дали египетские папирусы: отрывки из астрологических сочинений, гороскопы и пр. (см., например, P. Mich., III, № 148—153). Работы греческих и римских астрологов были выведены из забвения и стали рассматриваться как ценный исторический материал. В связи с этим следует отметить, что стал яснее и вопрос об источниках позднейших обширных сводок сведений по астрологии римского времени: в основном можно считать, что их содержание восходит к гораздо более древней эпохе и что они передают систему взглядов, практические приемы, понятия и быт общества эллинистической эпохи³. Автор рецензируемого труда, исходя из этого представления об источниках астрологических работ, и поставил перед собою задачу: показать эллинистическое общество, его административную организацию, религию и мораль, используя обильные данные астрологических сочинений. Он стремится доказать, что эти сочинения в этом отношении особенно важны ввиду почти полной потери исторических произведений греко-египетских авторов этого времени. Кюмон справедливо полагает, что сопоставление редко читаемых и малодоступных астрологических текстов должно принести большую пользу египтологам и папирологам. Богатство данных, характеризующих социальное и моральное состояние эллинистического Египта, не является единственным достоинством используемого материала. Его значение определяется в значительной мере и другим обстоятельством: тем, что он рисует картину этого общества, выражаясь словами автора, не с фасада, не с точки зрения господствующего слоя (греков), а из глубины, как он представлялся людям из местного населения. Наиболее древние астрологические работы показывают почти полное незнакомство

¹ A. Bouché-Lecleercq, *Histoire de la divination dans l'antiquité*. Paris, 1879.

² A. Bouché-Lecleercq, *L'astrologie grecque*. Paris, 1899.

³ Kroil, *Kulturhistorisches aus astrologischen Texten*. «Klio», B. XVIII, 1923.

⁹ Вестник древней истории № 1(14)